

- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3830-2026-3-45-52

УСАНОВ В.Е.,

академик Российской академии образования,
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: vusanov@mail.ru

СОБСТВЕННОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В статье исследуется понятие собственности в условиях цифровизации экономики. Анализируется трансформация собственности как формы юридической воли в цифровой среде. Рассмотрены ключевые аспекты правового регулирования цифровых активов, включая блокчейн-технологии, смарт-контракты и токенизацию. Особое внимание уделено анализу цифровых прав, NFT-токенов, больших данных и цифрового рубля. Цифровизация не разрушает институт собственности, а раскрывает его логическую природу, при этом собственность сохраняет свою структурную целостность, приобретая новые формы существования.

Ключевые слова: собственность, цифровизация, правовая форма, блокчейн, цифровые активы, токенизация, смарт-контракты, NFT, большие данные, цифровой рубль, цифровые права, юридическое признание, права собственности, криптовалюты, цифровая экономика.

USANOV V.E.,

Academician of the Russian Academy of Education,
Doctor of Law, Professor

PROPERTY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Annotation. The article examines the concept of property in the context of digitalization of the economy. The transformation of property as a form of legal will in the digital environment is analyzed. The key aspects of legal regulation of digital assets, including blockchain technologies, smart contracts and tokenization, are considered. Special attention is paid to the analysis of digital rights, NFT tokens, big data and the digital ruble. Digitalization does not destroy the institution of property, but reveals its logical nature, while property retains its structural integrity, acquiring new forms of existence.

Key words: property, digitalization, legal form, blockchain, digital assets, tokenization, smart contracts, NFT, big data, digital ruble, digital rights, legal recognition, property rights, cryptocurrencies, digital economy.

Цифровая трансформация экономики и правопорядка ставит перед юридической наукой фундаментальный вопрос: сохраняет ли институт собственности свою логическую и правовую целостность в условиях, когда объект присвоения утрачивает материальную форму? Ответ на этот вопрос невозможен без обращения к философии права Г.В.Ф. Гегеля, в которой собственность трактуется не как факт обладания вещью, а как форма — структура признанной юридической воли [6].

Настоящее исследование продолжает и развивает ранее предложенный нами подход к собственности как форме юридической воли,

адаптируя его к реалиям цифровой эпохи. Если собственность есть не вещь, а форма, в которой воля субъекта получает признание и становится юридически конституированной, то переход от материального к цифровому объекту представляет собой не кризис собственности, а испытание формы — проверку ее способности воспроизводить логику признания в радикально новых условиях [16].

Актуальность такого подхода подтверждается стремительным развитием нормативного регулирования цифровых активов. Статья 128 Гражданского кодекса РФ в действующей редакции включает цифровые права и цифровые рубли

в перечень объектов гражданских прав. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» устанавливает правовой режим цифровых финансовых активов. В феврале 2026 года Правительство РФ утвердило Концепцию токенизации активов реального сектора российской экономики, цель которой — «создание современной и конкурентоспособной системы токенизации права собственности на активы реального сектора экономики» [5]. Все это свидетельствует о том, что вопрос о собственности в цифровую эпоху перешел из сферы академической дискуссии в область законотворческой практики.

Исходной точкой нашего анализа является гегелевское понимание собственности как «наличного бытия свободной воли» [6]. В «Философии права» Гегель последовательно демонстрирует, что собственность не сводится к отношению лица и вещи; она представляет собой ступень в диалектическом развитии свободы, на которой воля субъекта обретает внешнее выражение и получает признание со стороны других волей. Три ступени развития понятия права — абстрактное право, мораль, нравственность — выражают движение от формальной свободы к ее содержательному наполнению.

Собственность принадлежит сфере абстрактного права — сфере «самоопределения единичной воли» [6]. Здесь лицо вкладывает свою волю в вещь, и через этот акт становится собственником не потому, что физически обладает предметом, а потому, что его воля признана. «Собственность, по мысли Гегеля, прежде всего определенное отношение человеческой личности к внешнему миру, к природе, к вещам». Однако это отношение имеет не натуралистический, а логико-юридический характер: собственность есть форма, в которой абстрактная свобода воли получает определенность [6].

Ключевыми характеристиками собственности как формы, выявленными нами ранее, являются: устойчивость (форма сохраняется при изменении материального субстрата), отчуждаемость (форма допускает передачу без утраты структуры), темпоральность (форма существует во времени и может быть ограничена сроком), воспроизводимость (форма допускает повторение и тиражирование) и возвратность (форма предполагает логическую замкнутость цикла «вложение воли — признание — отчуждение — возврат») [16].

Принципиальная новизна цифровой эпохи для институции собственности состоит в том, что объект присвоения утрачивает физическую, вещественную определенность. Криптовалюты,

токены, цифровые права, базы данных, объекты виртуальных миров — все это активы, лишенные материального субстрата. Однако если собственность есть не вещь, а форма, то отсутствие материи не означает исчезновения собственности; оно лишь обнажает ее логическую структуру [13].

Процесс дематериализации имущественного оборота зафиксирован в современной цивилистической доктрине. Тенденция к «дематериализации» имущества идет вразрез с устоявшимися положениями теории относительно понятия «вещь» и затрудняет квалификацию цифровых объектов в рамках традиционного вещного права. Е.Г. Семенова справедливо указывает, что основные методологические проблемы определения правовой природы цифровых объектов обусловлены «отсутствием унифицированного понятия цифровых объектов» и системности в выделении их совокупности. Н.В. Разуваев подчеркивает: характерные свойства цифровых объектов — прежде всего отсутствие «материального субстрата, то есть физического, вещественного выражения» — делают затруднительной их характеристику в качестве вещей в традиционном значении указанного понятия [13].

Вместе с тем потребности развития гражданского оборота делают неизбежным участие различных видов цифрового имущества в качестве объектов прав. Гражданский оборот цифровых объектов становится возможным «в результате наделения последних свойствами вещей либо действий, что предполагает формирование соответствующих правовых режимов». Эту тенденцию мы интерпретируем как свидетельство того, что собственность как форма продолжает функционировать и в отсутствие вещи: правопорядок конструирует квазивещность цифровых объектов для того, чтобы форма собственности могла быть к ним применена.

Введение категории цифровых прав в перечень объектов гражданских прав ознаменовало качественный сдвиг в российском законодательстве. Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ в Гражданский кодекс были внесены поправки, закрепившие понятие «цифровое право» и допустившие использование смарт-контрактов [21]. Согласно статье 141.1 ГК РФ, цифровыми правами признаются «обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам» [1].

Как справедливо отмечает Л.Ю. Василевская, токен — цифровой способ фиксации имущественных прав — может рассматриваться как «некая имущественная ценность, правовой режим которой аналогичен «ценным правам»,

выделяемым в европейском континентальном праве германского типа». Иными словами, цифровые права — это не новый вид прав, а новый способ фиксации прав, что полностью согласуется с нашим пониманием собственности как формы: меняется не содержание права, а его материальный носитель [4].

А.С. Мограбян, анализируя дефиницию цифровых прав, обращает внимание на то, что по действующему законодательству к цифровым правам относятся только те, которые «прямо названы в качестве таковых в законе», что свидетельствует об ограничении оборотоспособности данной категории. Однако сама потребность правопорядка в создании категории цифровых прав и последующее расширение их видов (утилитарные цифровые права, цифровые финансовые активы, цифровой рубль) демонстрируют направление развития — от частной к общей формализации цифрового имущества [11].

Дискуссия о правовой природе цифрового имущества продемонстрировала разногласия исследователей. Одни авторы предлагают распространить на цифровые объекты режим вещного права; другие настаивают на обязательственно-правовой квалификации; третьи усматривают в цифровом имуществе *suí generis* объект, требующий собственного правового режима.

В.В. Кресс критикует подход законодателя об отнесении цифровых прав к объектам гражданских прав и предлагает «исключить из перечня объектов гражданских прав цифровые права, одновременно включив в него непосредственно виртуальное (цифровое) имущество» [9]. И.З. Аюшеева подчеркивает, что «категория цифровых прав, введенная в законодательство, не охватывает все новые объекты, появляющиеся в цифровой среде». Исследование цифрового имущества как объекта гражданских прав выявило, что цифровое право может квалифицироваться как абсолютное право, представленное правомочиями «цифрового доступа, пользования и распоряжения», а также правомочием требования к неограниченному кругу лиц «не посягать на цифровое имущество» [2].

С позиции развиваемой нами концепции собственности как формы данная дискуссия приобретает иной ракурс. Абсолютность цифрового права, на которой настаивают ряд исследователей, выражает именно логику формы: субъект обладает признанной волей в отношении объекта вне зависимости от материальной природы последнего. Правомочие «цифрового доступа» — новый формально-технический элемент — не отменяет классической триады владения, пользования и распоряжения, а конкретизирует ее применительно к информационным системам.

Статья 128 ГК РФ создает правовую основу для признания имущественных прав на всякого рода объекты: все то, что представляет для субъекта права экономический интерес, допустимо относить к числу объектов гражданских прав. При этом нематериальные объекты, приобретающие имущественную ценность, «ввиду отсутствия общих положений нуждаются в соответствующем их природе правовом обеспечении». Свойством оборотоспособности обладают именно имущественные права на нематериальные объекты, а не сами объекты.

Эта конструкция — имущественное право, направленное на нематериальный объект, — является точным юридическим выражением гегелевской формулы: собственность есть форма воли, а не атрибут вещи. В цифровую эпоху данная конструкция получает универсальное значение, поскольку позволяет включать в гражданский оборот объекты, не имеющие физического носителя, через механизм правового признания.

Если собственность есть признанная воля, то технология распределенного реестра (блокчейн) представляет собой техническое воплощение механизма признания. В блокчейне запись о принадлежности актива определенному лицу верифицируется всеми участниками сети; тем самым осуществляется не просто учет, а децентрализованное признание правовой позиции субъекта.

С.А. Сеницын указывает на необходимость исследования трансформации и динамики развития объекта правового регулирования в условиях цифрового производства и обмена, подчеркивая приоритет обеспечения безопасности, гарантий соблюдения прав и охраны законных интересов лиц, действующих в цифровой среде [15]. Дж. Фэйрфилд, анализируя «вещное право виртуальных вещей», обращает внимание на то, что в XX в. право собственности прошло путь от права вещей (*law of things*) к парадигме прав на вещи (*law of rights in things*), а NFT-токены представляют собой «попытку воссоздать с помощью криптографии, теории игр и интеллектуального права «вещь» — концептуально целостное нечто, которое может содержать неопределенный пучок прав» [17].

В терминах нашей концепции блокчейн реализует воспроизводимость формы собственности: каждая транзакция фиксирует момент перехода воли (отчуждения) и одновременно создает новый акт признания (принятия). Цепочка блоков есть ни что иное, как темпоральная развертка формы собственности — последовательность актов вложения воли и их верификации.

Смарт-контракт — самоисполняющийся алгоритм, код которого хранится и выполняется в

блокчейне, — реализует отчуждаемость формы собственности в автоматическом режиме. Согласно ст. 160 и 434 ГК РФ, сделка может быть заключена с использованием электронных или иных технических средств при условии обеспечения достоверной идентификации сторон; смарт-контракты, соответствующие этим требованиям, признаются заключенными в письменной форме.

Судебная практика подтверждает легитимность данного формата: в деле Арбитражного суда Омской области (№ А46-4990/2019) был признан законным договор, заключенный в электронной форме с применением блокчейн-технологии. Однако, как справедливо отмечается в литературе, «отсутствие четкого правового регулирования смарт-контрактов в российском законодательстве создает неопределенность в вопросах их правового статуса и порядка оспаривания» [22].

С философско-правовой точки зрения смарт-контракт обнажает важную проблему: автоматизация исполнения означает, что момент волеизъявления (заключение контракта) и момент исполнения (перемещение актива) могут быть разнесены во времени и лишены повторного подтверждения воли. Форма собственности здесь работает «на автомате» — воля запрограммирована заранее, а признание осуществляется сетью. Это создает напряжение между свободой воли, лежащей в основе гегелевского понимания собственности, и алгоритмической детерминированностью исполнения.

Токенизация активов реального сектора — процесс преобразования прав на реальные активы (недвижимость, интеллектуальную собственность, доли в уставных капиталах) в цифровые токены на блокчейне — является наиболее наглядным воплощением собственности как формы.

Утвержденная в феврале 2026 г. Концепция токенизации предусматривает на первом этапе внедрение «токенизации прав собственности на различные виды имущества и исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, сделки с которыми не подлежат госрегистрации», а также «токенизацию документарных ценных бумаг и долей в уставных капиталах обществ с ограниченной ответственностью». Токенизация призвана «диверсифицировать инвестиционные активы, повысить их ликвидность, сделав более доступными для небольших частных инвесторов», при этом «блокчейн заменит финансовых посредников и сократит транзакционные издержки» [5].

В сфере недвижимости использование ЦФА позволяет «превращать реальные активы, такие как здания, апартаменты или земельные участки,

в прозрачные и легко передаваемые токены на блокчейне», где каждый токен «подтверждает долю в объекте и дает право на пропорциональный доход или участие в управлении» [23]. При этом действующее законодательство пока не допускает выпуск ЦФА, обеспеченных объектами недвижимости, права на которые подлежат государственной регистрации, что «фактически блокирует развитие прямой токенизации недвижимости» [20].

Философско-правовой смысл токенизации состоит в следующем: право собственности отделяется от вещи и фиксируется в цифровой форме, при этом структура права (владение, пользование, распоряжение) сохраняется. Это подтверждает, что собственность функционирует как форма, которая может быть перенесена на иной носитель без утраты юридического содержания.

Особый аспект цифровизации института собственности связан с введением цифрового рубля — третьей формы российской валюты наряду с наличными и безналичными деньгами. Федеральный закон № 340-ФЗ от 1 августа 2023 г. определил цифровой рубль как цифровую валюту центрального банка (CBDC) и назначил Банк России единственным оператором и эмитентом. Масовое внедрение цифрового рубля запланировано с 1 сентября 2026 года [24].

Правовая природа цифрового рубля определяется через категорию обязательственного права требования к Банку России. Статья 128 ГК РФ относит цифровые рубли к иному имуществу наряду с безналичными денежными средствами и цифровыми правами. Цифровой рубль существует только в электронной форме на платформе Банка России, учет прав ведется через цифровые кошельки, привязанные к клиентским счетам в банках, при этом все операции фиксируются в реестре платформы.

С позиции собственности как формы цифровой рубль представляет собой предельный случай дематериализации: денежная единица утрачивает не только физический носитель (как безналичные деньги), но и посредничество коммерческих банков в ее хранении. Форма собственности на деньги здесь фиксируется непосредственно центральным банком, что означает переход от опосредованного к непосредственному публичному признанию — своеобразную централизацию формы.

Одним из наиболее острых вопросов цифровой эпохи является вопрос о возможности установления права собственности на данные. Большие данные (Big Data) обладают значительной экономической ценностью, однако их гражданско-правовой режим остается неопределенным. Сложность заключается в том, что большие данные «включают в себя не только различные

виды информации, но и технологические решения, направленные на ее сбор, хранение, обработку и анализ» [2].

При этом существует конфликт между развитием технологий больших данных и действующим законодательством о персональных данных: «информация о человеке, его предпочтениях, его персональных данных приобретает самостоятельное значение» и требует нового правового механизма регулирования. О.М. Родионова указывает, что имущественные отношения, опосредуемые цифровыми информационными системами, «с высокой степенью вероятности сопряжены с манипуляцией общественным сознанием», что ставит под сомнение реальность интереса, которым руководствуются участники, и актуализирует проблему автономной воли как субъективного права [14].

Европейский подход, реализованный в Регламенте MiCA (Regulation (EU) 2023/1114), вступившем в полную силу с декабря 2024 года, определяет криптоактивы как «цифровое представление стоимости или права, которое может быть передано и хранимо электронным способом с использованием технологии распределенного реестра». MiCA устанавливает единую рамку авторизации для провайдеров услуг, связанных с криптоактивами, с паспортизацией по всем 27 государствам — членам ЕС [25].

Применительно к нашей концепции проблема больших данных выявляет границу формы собственности. Форма предполагает определенность субъекта и объекта: конкретная воля направлена на конкретное благо. Большие данные, имеющие «гибридную природу» и включающие неоднородные элементы, проблематизируют как определенность объекта, так и определенность субъекта (персональные данные принадлежат одному лицу, массив — другому). Это указывает на то, что форма собственности в цифровую эпоху нуждается в дополнении механизмами дифференцированного признания, при которых различные правомочия в отношении одного информационного массива могут принадлежать различным субъектам.

Невзаимозаменяемые токены (NFT) обострили дискуссию о границах собственности в цифровой среде. NFT представляет собой запись в блокчейне, удостоверяющую права на цифровой актив. Однако, согласно российскому законодательству, «сама по себе такая запись не обладает юридической силой», а приобретатель NFT «получает лишь право владеть реестровой записью в распределенном реестре, но не исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности» [10].

Попытки законодательного урегулирования статуса NFT включают внесенный в 2022 г. зако-

нопроект о признании NFT самостоятельным объектом интеллектуальных прав с закреплением в ст. 1225 ГК РФ. Предлагаемое определение — «невзаимозаменяемый токен уникального цифрового актива в виде невзаимозаменяемых данных, хранящихся в системе распределенного реестра (системе блокчейн)» — подвергается критике ввиду использования понятий, нуждающихся в дополнительном определении («уникальный цифровой актив», «цифровой контент или актив») [12].

Есть также мнение, что NFT представляют собой «попытку воссоздать с помощью криптографии «вещь» — концептуально целостное нечто», которое способно «содержать неопределенный пучок прав». Это такая модель, в которой правомочие владения может быть отделено от номинального права собственности, приводит к тому, что материальные объекты становятся «информационно сложными», а в отношении цифровых объектов происходит «информационный поворот»: вещное право ограничивает круг вещных прав с целью снижения издержек на проверку управомоченности контрагента [18].

Для нашей концепции NFT-проблематика значима тем, что она демонстрирует стремление участников оборота к овеществлению формы: в отсутствие физической вещи создается ее цифровой суррогат, имитирующий свойства вещи (уникальность, неделимость, принадлежность конкретному лицу). Однако успешность этой имитации зависит не от технологии, а от правового признания — т.е. от формы.

Проведенный анализ цифровых трансформаций института собственности подтверждает центральный тезис: собственность есть не вещь и не совокупность правомочий, а форма, в которой воля субъекта получает юридическое признание. Цифровая эпоха не разрушает эту форму, а, напротив, очищает ее от натуралистических наслоений, обнажая логическую структуру.

Андре Горц, исследуя «экономику знаний», отмечал, что «живой труд знаний не порождает ничего ощутимо материального», а стоимость определяется преимущественно нематериальными факторами [7]. В контексте правоведения это означает, что имущественная ценность все более концентрируется в нематериальных объектах, что требует от права способности фиксировать принадлежность блага субъекту без опоры на физическую «вещь». Именно эту функцию выполняет собственность как форма.

Выявленные нами пять характеристик формы собственности (устойчивость, отчуждаемость, темпоральность, воспроизводимость, возвратность) не только сохраняются, но и усиливаются в цифровой среде:

Таблица 1. Собственность как форма в цифровой среде

Характеристика формы	Проявление в классическом праве	Проявление в цифровой среде
Устойчивость	Право сохраняется при гибели отдельного экземпляра вещи (страхование, виндикация)	Право сохраняется при смене информационной системы; токен воспроизводим на иной платформе
Отчуждаемость	Договор купли-продажи, дарения, мены	Транзакция в блокчейне; смарт-контракт; автоматическое исполнение
Темпоральность	Срочные права (аренда, лицензия, концессия)	Цифровые подписки; временные токены доступа; DRM-ограничения
Воспроизводимость	Серийное производство; типовые договоры	Тиражирование токенов (fungible tokens); копирование цифровых объектов
Возвратность	Реституция; виндикация; наследование	«Burn»-механизмы; автоматический возврат актива по истечении срока контракта

Вместе с тем цифровая среда порождает и новые формальные элементы, не имеющие прямых аналогов в классическом праве:

Цифровой доступ как правомочие: реализация права невозможна без алгоритмической возможности взаимодействия с информационной системой. Утрата «ключа» (приватного ключа в блокчейне) равнозначна фактической утрате правомочия, хотя формально право сохраняется.

Алгоритмическое признание: верификация транзакций осуществляется не государственным органом и не контрагентом, а алгоритмом консенсуса сети. Это создает новый тип признания — техническое признание, которое дополняет, но не заменяет юридическое.

Фрагментация формы: токенизация позволяет дробить право собственности на микродоли, каждая из которых обращается самостоятельно. Форма собственности сохраняется на уровне каждой доли, но целостность объекта поддерживается уже не юридически, а технически (агрегированием токенов).

Цифровая трансформация права требует, как справедливо отмечает Т.Я. Хабриева, системного подхода — «цифровой прививки» отраслям законодательства [19]. На основании проведенного исследования представляется необходимым:

Во-первых, развить категорию цифрового имущества в ГК РФ, выделив его в качестве самостоятельного объекта гражданских прав наряду с

вещами и имущественными правами, с определением конституирующих признаков: виртуальность, цифровая форма и способность к участию в обороте в рамках информационных систем.

Во-вторых, законодательно закрепить правомочие цифрового доступа как элемент содержания субъективного гражданского права на цифровое имущество, установив гарантии его реализации и механизмы защиты при утрате технической возможности доступа.

В-третьих, обеспечить реализацию Концепции токенизации активов реального сектора, в том числе посредством снятия запрета на выпуск ЦФА, обеспеченных объектами недвижимости, подлежащими государственной регистрации, с созданием механизма «двойной фиксации» — в государственном реестре и в блокчейне.

В-четвертых, разработать специальные нормы о смарт-контрактах, определяющие порядок их оспаривания, ответственность за ошибки в программном коде и механизмы защиты прав сторон.

В-пятых, гармонизировать российское законодательство о цифровых активах с международными стандартами в целях обеспечения трансграничного оборота цифровых прав и привлечения инвестиций.

Подведем итоги.

Цифровизация не упраздняет собственность — она раскрывает ее логическую природу. Собственность как форма юридической воли

сохраняет свою структурную целостность и в мире токенов, смарт-контрактов и цифровых рублей. Более того, именно цифровая среда, лишённая материального субстрата, наиболее отчетливо демонстрирует, что собственность — это не «принадлежность вещи», а акт признания воли субъекта.

Пять выявленных характеристик формы (устойчивость, отчуждаемость, темпоральность, воспроизводимость, возвратность) не только сохраняются, но и обретают новые модальности в цифровой среде, дополняясь элементами цифрового доступа, алгоритмического признания и фрагментации формы. Задача правовой науки состоит в том, чтобы осмыслить эти новые модальности, не утрачивая связи с философско-правовым фундаментом института собственности, заложенным в трудах Гегеля и развитым в традиции континентального правоведения.

Законодательная практика — от реформы статьи 128 ГК РФ до Концепции токенизации активов 2026 года — движется в направлении признания собственности как формы, хотя и не формулирует этот тезис эксплицитно. Настоящее исследование призвано обеспечить доктринальное обоснование данного движения и очертить перспективы его дальнейшего развития.

Список литературы:

- [1] Анищенко А. Вызов цифровой экономики: смарт-контракты и цифровые права // Портал «Зуйков и партнёры». URL: <https://zuykov.com/about/articles/vyzov-cifrovoj-ekonomiki-smart-kontrakty-i-cifrovyy/> (дата обращения: 06.03.2026).
- [2] Аюшеева И. З. Большие данные: проблемы определения гражданско-правового режима // *Lex russica*. 2023. № 10.
- [3] Аюшеева И. З. Цифровые объекты гражданских прав // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 7 (176).
- [4] Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // *Актуальные проблемы российского права*. 2019. № 5 (102).
- [5] В России утвердили концепцию токенизации активов реального сектора экономики // *Коммерсантъ*. 10.02.2026. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8421707> (дата обращения: 06.03.2026).
- [6] Гегель Г. В. Ф. *Философия права* / пер. с нем. Б. Г. Столпнера, М. И. Левиной. — М.: Мысль, 1990.
- [7] Горц А. *Нематериальное. Знание, стоимость и капитал* / пер. с фр. М. М. Сокольской. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010.
- [8] Инвестиции без лишних барьеров: как токенизация меняет правила игры в недвижимости // *CNews*. 12.02.2026. URL: https://www.cnews.ru/articles/2026-02-13_investitsii_bez_lishnih_barerov_kak (дата обращения: 06.03.2026).
- [9] Кресс В. В. Гражданско-правовой режим виртуальных (цифровых) прав // *Экономика. Право. Общество*. 2024. № 2 (38).
- [10] Лазарева Ю. А. NFT: проблема определения правовой природы и перспективы правового регулирования // *Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность*. 2023. URL: <https://www.ipcmagazine.ru/articles/1729393/> (дата обращения: 06.03.2026).
- [11] Мограбян А. С. Цифровые права как объекты гражданских прав в России // *Актуальные проблемы российского права*. 2022. Т. 17. № 10 (143). С. 144 и сл.
- [12] Понятие NFT-токенов хотят ввести в законодательство РФ // *РАПСИ*. 18.05.2022. URL: https://rapsinews.ru/legislation_news/20220519/307959554.html (дата обращения: 06.03.2026).
- [13] Разуваев Н. В. Цифровая трансформация субъективных гражданских прав: проблемы и перспективы // *Теоретическая и прикладная юриспруденция*. 2021. № 1. С. 18–38.
- [14] Родионова О. М. Права на свой интерес и свою волю в условиях цифровизации имущественных отношений // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2022. № 5 (89).
- [15] Синицын С. А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования: монография. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Инфотропик Медиа, 2021.
- [16] Усанов В. Е., Кравцов С. С., Жеребченко А. В. Собственность как форма // *Образование и право*. 2025. № 10.
- [17] Фэйрфилд Дж. «Вещное» право виртуальных «вещей» // *Цифровое право*. 2023. Т. 4. № 4. С. 9.
- [18] Fairfield J. Property as the Law of Virtual Things // *Frontiers in Research Metrics and Analytics*. 2022. Vol. 7. Art. 981964. DOI: 10.3389/frma.2022.981964. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/frma.2022.981964> (дата обращения: 06.03.2026).
- [19] Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // *Журнал российского права*. 2018. № 9.
- [20] Цифровые финансовые активы в России // *Коммерсантъ*. 28.12.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8335373> (дата обращения: 06.03.2026).
- [21] Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации».
- [22] Смарт контракты и блокчейн в российском праве: возможности и риски // *Moscow Digital School*. 15.07.2025. URL: <https://mosdigitals.ru>

ru/blog/smart-kontrakty-i-blokchejn-v-rossijsk (дата обращения: 06.03.2026).

[23] Инвестиции без лишних барьеров: как токенизация меняет правила игры в недвижимости // CNews. 12.02.2026. URL: https://www.cnews.ru/articles/2026-02-13_investitsii_bez_lishnih_barerov_kak (дата обращения: 06.03.2026)

[24] Федеральный закон от 23.07.2025, устанавливающий массовое внедрение цифрового рубля с 01.09.2026.

[25] Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto assets, and amending Regulations (EU) No 1093/2010 and (EU) No 1095/2010 and Directives 2013/36/EU and (EU) 2019/1937 // Official Journal of the European Union. 2023. L 150. P. 40–206.

References:

[1] Anishchenko A. The challenge of the digital economy: smart contracts and digital rights//Portal "Zuikov and Partners." URL: <https://zuykov.com/about/articles/vyzov-cifrovoj-ekonomiki-smart-kontrakty-i-cifrovu/> (дата обращения: 06.03.2026).

[2] Ayusheeva I.Z. Big data: problems of determining the civil law regime//Lex russica. 2023. № 10.

[3] Ayusheeva I.Z. Digital objects of civil rights//Lex russica. 2021. T. 74. № 7 (176).

[4] Vasilevskaya L. Yu. Token as a new object of civil rights: problems of legal qualification of digital law//Actual problems of Russian law. 2019. № 5 (102).

[5] Russia approved the concept of tokenization of assets in the real sector of eco-nomics//Kommer sant. 10.02.2026 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8421707> (accessed on: 06.03.2026).

[6] Hegel G.V. F. Philosophy of law/trans. With German B. G. Stolpner, M. I. Levina. - M.: Thought, 1990.

[7] Gortz A. Intangible. Knowledge, value and capital/per. Fr. M. M. So-kola. - M.: Ed. HSE University House, 2010.

[8] Investment without unnecessary barriers: how tokenization is a game changer in non-move-ability//CNews. 12.02.2026 URL: https://www.cnews.ru/articles/2026-02-13_investitsii_bez_lishnih_barerov_kak (accessed on: 06.03.2026).

[9] Kress V.V. Civil law regime of virtual (digital) rights//Eco-nomics. Right. Society. 2024. № 2 (38).

[10] Lazareva Yu. A. NFT: the problem of determining the legal nature and prospects for legal regulation//Intellectual property. Industrial property. 2023. URL: <https://www.ipcmagazine.ru/articles/1729393/> (circulation date: 06.03.2026).

[11] Moghrabyan A. S. Digital rights as objects of civil rights in Russia//Actual problems of Russian law. 2022. VOL. 17. № 10 (143). S. 144 et al.

[12] They want to introduce the concept of NFT tokens into the legislation of the Russian Federation//

RAPSI. 18.05.2022 URL: https://rapsinews.ru/legislation_news/20220519/307959554.html (accessed on: 06.03.2026).

[13] Razuvaev N.V. Digital transformation of subjective civil rights: problems and prospects//Theoretical and applied jurisprudence. 2021. № 1. S. 18–38.

[14] Rodionova O.M. Rights to your interest and your will in the context of digitalization of property relations//Bulletin of O.E. Kutafin University (MSLA). 2022. № 5 (89).

[15] Sinitsyn S. A. Russian and foreign civil law in the context of robotization and digitalization. Interdisciplinary and industry research experience: monograph. - M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Infotropic Media, 2021.

[16] Usanov V.E., Kravtsov S.S., Zherebchenko A.V. Property as a form//Ownership and law. 2025. № 10.

[17] Fairfield J. "Material" right of virtual "things" //Digital law. 2023. VOL. 4. № 4. S. 9.

[18] Fairfield J. Property as the Law of Virtual Things // Frontiers in Research Metrics and Analytics. 2022. Vol. 7. Art. 981964. DOI: 10.3389/frma.2022.981964. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/frma.2022.981964> (access date: 06.03.2026).

[19] Khabrieva T. Ya. Law before the challenges of digital reality//Journal of Russian Law. 2018. № 9.

[20] Digital financial assets in Russia//Kommer sant. 28.12.2025 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8335373> (accessed on: 06.03.2026).

[21] Federal Law of 18.03.2019 No. 34-FZ "On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation."

[22] Smart contracts and blockchain in Russian law: opportunities and risks//Moscow Digital School. 15.07.2025. URL: <https://mosdigitals.ru/blog/smart-kontrakty-i-blokchejn-v-rossijsk> (дата обращения: 06.03.2026).

[23] Investment without unnecessary barriers: how tokenization is a game changer in real estate//CNews. 12.02.2026 URL: https://www.cnews.ru/articles/2026-02-13_investitsii_bez_lishnih_barerov_kak (accessed on: 06.03.2026)

[24] Federal Law of 23.07.2025, establishing the mass introduction of the digital ruble with 01.09.2026.

[25] Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto assets, and amending Regulations (EU) No 1093/2010 and (EU) No 1095/2010 and Directives 2013/36/EU and (EU) 2019/1937 // Official Journal of the European Union. 2023. L 150. P. 40–206.